

Введенский А. И. К вопросу «о выработке мирозерцания»: Критический анализ посвященных этому вопросу брошюр проф. Н. Кареева // *Богословский вестник* 1896. Т. 2. № 4. С. 141–162 (2-я пагин.).

КЪ ВОПРОСУ „О ВЫРАБОТКѢ МИРОЗЕРЦАНІЯ“.

Критическій анализъ посвященныхъ этому вопросу брошюръ проф. Н. Карѣева ¹⁾.

Вопросъ о самообразованіи есть очень серьезный вопросъ,—съ этимъ едвали кто будетъ спорить. Онъ имѣетъ, если не одинаковое, то развѣ лишь немного меньшее значеніе, чѣмъ вопросъ о начальномъ образованіи. Между тѣмъ, прислушиваясь къ современнымъ сужденіямъ о немъ, нетрудно замѣтить, что мало по малу онъ утрачиваетъ свое серьезное значеніе, съ которымъ было выступилъ сначала, и становится дѣломъ просто моды, вслѣдствіе чего и отношеніе къ нему въ большинствѣ случаевъ оказывается теперь столь-же поверхностнымъ, неглубокимъ и легкимъ, какъ и вообще ко всему модному. Наша „интеллигенція“ еще разъ обнаружила на этомъ вопросѣ всю свою безпринципность, полную спутанность и шаткость своихъ понятій и точекъ зрѣнія, свое обычное увлеченіе западными вѣяніями и раболѣпство предъ „последними словами“ науки.

Въ прошломъ году²⁾, въ краткой критической замѣткѣ о „Программахъ для самообразованія“, изданныхъ Московскою комиссіею, мы указали на нѣкоторые недостатки въ постановкѣ въ нихъ дѣла. Нѣкоторыя изъ нашихъ указаній были признаны справедливыми и отмѣчены въ литературѣ. Такъ, одни (*Литературное Обзоріе*) находили основательнымъ наше желаніе, чтобы „Программы“, не ограничиваясь общими *конспектами* учебниковъ по тому или другому предмету, дѣлали руководящія указанія относительно основнаго направленія, трудностей и увлеченій, возможныхъ при изученіи того или другаго предмета. Другіе (*Московскія Вѣдомости*, №№ 94 и 98) отмѣтили и признали спра-

¹⁾ *Письма къ учащейся молодежи*, изд. 4-е, Спб. 1895, стр. 164; *Бесѣды о выработкѣ мирозерцанія*, изд. 2-е, Спб. 1895 г., стр. 182; *Мысли объ основахъ нравственности*, Спб. 1895, стр. 177.

²⁾ См. *Богосл. Вѣстн.*, 1895, Апрель

ведливымъ наше указаніе на тенденціозность, односторонность и внутреннюю несогласованность программъ, составленныхъ „коммиссіею“. Теперь мы хотимъ, такъ сказать, иллюстрировать свою замѣтку — указаніемъ подобной-же тенденціозности, односторонности и безпринципности уже не у „коммисіи“ (ей, какъ именно коммисіи, какъ собирательной, многоголовой единицы, этотъ недостатокъ единства до нѣкоторой степени извинителенъ), но у *одного* и при томъ пользующагося извѣстностью писателя, — писателя-профессора, Н. Карѣва.

Говоря по правдѣ, брошюры проф. Карѣва не заслуживали-бы не только разбора, но даже и чтенія: до того онѣ несовершенны, какъ увидимъ далѣе, уже въ чисто логическомъ отношеніи. Но что дѣлать? Онѣ, какъ говорятъ, „пришлись по головамъ“, раскупаются въ тысячахъ экземпляровъ и читаются десятками тысячъ людей, ищущихъ вразумленія отъ профессора. При такомъ условіи необходимо настойчиво выяснять ихъ истинное достоинство и смыслъ. Вотъ что заставляетъ насъ говорить объ нихъ.

Мы ограничимся, впрочемъ, при разборѣ взглядовъ проф. Карѣва лишь ихъ логическимъ анализомъ, не противопоставляя имъ никакихъ другихъ положеній и взглядовъ: выясненіе ихъ внутренней логической несостоятельности и самопротиворѣчивости, по нашему мнѣнію, будетъ ихъ лучшей критикой.

I.

«Я не знаю почему, но только я всегда чувствую крайнее нерасположеніе, чтобы не сказать болѣе рѣзкаго слова, ко всѣмъ отдѣльнымъ случаямъ постановки вопросовъ въ смыслѣ выбора между *или* тѣмъ *или* этимъ, когда между тѣмъ и этимъ не существуетъ ни малѣйшаго противорѣчія и одно другимъ не исключается» ¹⁾.

Н. Карѣвъ.

По всей справедливости нерасположеніе проф. Н. Карѣва къ „*или-или*“ могло-бы быть гораздо радикальнѣе: не

¹⁾ Письма, стр. 71.

только къ мнимымъ альтернативамъ, но и къ дѣйствительнымъ, въ которыхъ члены исключаютъ другъ друга и могутъ быть объединены лишь дѣбною внутренняго противорѣчія, онъ относится снисходительно и, такъ сказать, покровительственно. Это — типичнѣйшій выразитель особенностей современнаго мышленія: ни одной, рѣзко выраженной и ярко очерченной, мысли; вездѣ оттѣнки, сглаживающіе и примиряющіе крайности; чрезъ всѣ брошюры проходитъ уживчивый и покладистый эклектизмъ, благодаря которому уживаются другъ подлѣ друга самыя разнообразныя теченія мысли, самыя разнохарактерныя и взаимопротиворѣчивыя принципы! Вдумываясь въ логическую основу „міросозерцанія“ проф. Карѣева мы замѣчаемъ, что оно страдаетъ однимъ роковымъ недостаткомъ—такъ сказать *многопринципностію*: различныя и при томъ принципиально различныя точки зрѣнія перемѣшаны въ немъ, какъ пласты въ неоднородной почвѣ и, не будучи объединены никакимъ высшимъ началомъ, не даютъ мысли читателя успокоиться ни на чемъ опредѣленномъ и твердомъ, такъ сказать, тянутъ ее въ разныя стороны и разрываютъ. Отсюда у читателя книжекъ Карѣева рождается мучительное чувство безсилія совладѣть съ тѣмъ неустойчивымъ, текучимъ, какъ-бы неорганизованнымъ матеріаломъ мысли, который онъ въ нихъ находитъ.

Мы укажемъ здѣсь эти разнохарактерныя принципы проф. Карѣева, начиная съ высшаго и постепенно спускаясь къ тому поверхностному и безцвѣтному позитивно-эволюціонному „міросозерцанію“ (если только комплотъ идей, безпорядочно набросанныхъ въ брошюрахъ, заслуживаетъ этого названія), которое образуетъ такъ сказать господствующій тонъ книжекъ, изобличая такимъ образомъ въ авторѣ вѣрнаго сына нашей неглубокой эпохи, вѣрнаго ученика и адепта „новыхъ идей“.

1. Прежде всего на тускломъ и безцвѣтномъ фонѣ громкихъ словъ и неопредѣленныхъ понятій выдѣляются остатки свѣтлыхъ вѣрованій, въ которыхъ проф. Карѣевъ, повидимому, былъ воспитанъ и которыми, повидимому, когда-то искренно жилъ. Тамъ и сямъ, спорадически встрѣчаются въ книжкахъ эти какъ-бы обломки разрушенной и поверженной во прахъ святыни, которой онъ когда-то поклонялся. „Что сказали-бы вы, — спрашиваетъ онъ, на прим., — о чело-

вѣкъ, который всею душою, болѣлъ-бы, наприм., объ оскорбленіи, нанесенномъ національному самолюбію хотя какой-нибудь глупой выходкой газетчика враждебной намъ державы..., но который остался бы равнодушнымъ къ такимъ народнымъ бѣдствіямъ, какъ голодъ, и кого не трогало-бы то, что масса живыхъ, созданныхъ по образу и подобию Божію, людей лишена духовной пищи и коснѣетъ во мракѣ невѣжества?... Такому человѣку,—отвѣчаетъ онъ на этотъ вопросъ,—можно было-бы только сказать словами синайской заповѣди: „не сотвори себѣ кумира“ и напомнить евангельскую заповѣдь: „возлюби ближняго своего, какъ самого себя“. И можно еще сказать о людяхъ такого рода: „приближаются ко мнѣ людіе сіи устны своими и устами своими чтутъ мя, сердце-же ихъ далече отстоитъ отъ Мене“. Но разъ уже я сталъ ссылаться на священные по содержанию своему тексты, *известные каждому изъ насъ съ дѣтства, и которые должны оставаться памятными всю жизнь*, напомню еще одно великое изреченіе: не дѣлайте другимъ того, чего не хотѣли-бы, чтобы другіе вамъ дѣлали“ ¹⁾ и т. д. Прекрасныя слова, — дѣлающія, однако, больше чести воспитателямъ профессора и наставникамъ его дѣтства, отъ которыхъ онъ воспринялъ первыя сѣмена Слова Божія и христіанской нравственности, чѣмъ ему самому! Дѣло въ томъ, что эти и имъ подобныя, такъ сказать, „обмолвки“, стоятъ въ брошюрахъ изолировано и нисколько не вліяютъ на ихъ содержаніе. Авторъ видимо относится къ нимъ не глубоко и несерьезно. Онъ не задумывается надъ ними, падъ ихъ отношеніемъ къ другимъ элементамъ своего „міросозерцанія“. Его не останавливаетъ на себѣ ихъ неисчерпаемый и многозначительный смыслъ. Есть что-то привычное, механическое и какъ бы бессознательное въ употребленіи имъ этихъ и подобныхъ священныхъ выраженій. Правда, у автора есть разсужденіе о вѣрѣ и знаніи (*Письма*, стр. 36 и сл.), но разсужденіе характера общаго и по существу недостаточно опредѣленное. Принявъ во вниманіе и сообразивъ все относящееся къ области разсматриваемаго нами вопроса, читатель всетаки въ концѣ концовъ недоумѣваетъ и спрашиваетъ: какъ-же авторъ отно-

¹⁾ *Письма* стр 149.

сится къ христіанскому „міросозерцанію“,—признаетъ-ли его согласимымъ съ своимъ или уже „пережитымъ“, осужденнымъ и отвергнутымъ во имя науки? Конечно, читатель не въ правѣ вторгаться въ святилище впутреннихъ убѣжденій и вѣрованій автора и этотъ послѣдній не обязанъ давать въ нихъ отчетъ. Но намъ кажется, что слѣдуетъ различать между исповѣдью своихъ убѣжденій и вѣрованій и—научно-теоретическимъ обсужденіемъ христіанскаго міросозерцанія, какъ доктрины, теоріи или какъ хотите назовите. Исповѣди никто, конечно, не въ правѣ требовать отъ автора и не требуетъ; но, когда онъ указываетъ пути къ выработкѣ міросозерцанія, зачѣмъ совершенно обходитъ одинъ изъ этихъ путей и при томъ самый извѣстный, о которомъ юный читатель, вѣроятно, всего скорѣе спроситъ своего руководителя? Истинно Христіанство, какъ міросозерцанію, и согласимо-ли оно съ безспорными результатами науки, или должно уступить свое мѣсто иному, болѣе „научному“, міросозерцанію: вотъ *чисто научный* вопросъ, который едва ли позволительно отклонять отъ себя человѣку, предпринявшему написать цѣлый рядъ книжекъ по вопросу о выработкѣ міросозерцанія. *Да или нѣтъ!*—Отвѣтъ нуженъ прямой и опредѣленный. Впрочемъ, мы знаемъ, что проф. Карѣвъ не любитъ этихъ пазойливыхъ и безпокойныхъ „или-или“...

2. Второй и болѣе замѣтный слой мыслей въ брошюрахъ проф. Карѣва образуютъ идеи критической философіи. По крайней мѣрѣ самъ онъ опредѣленно и неоднократно называетъ свою точку зрѣнія критическою и рекомендуетъ критическую философію для изученія предпочтительно предъ всѣми другими философскими направленіями: „считая лично критическую философію наиболѣе соответствующей самой задачѣ философіи, какъ изслѣдованія основныхъ вопросовъ знанія и бытія, я бы рекомендовалъ, — говоритъ онъ, — всякому ознакомиться съ ея положеніями и ея отношеніемъ къ какимъ-бы то ни было догматическимъ (?) принципамъ“ (*Письма* 58). Однако, и критическая точка зрѣнія, вопреки увѣренію проф. Карѣва, отнюдь не есть основная и господствующая въ его многопринципомъ „міросозерцаніи“. Дѣло въ томъ, что принципъ критической философіи взятъ имъ въ смыслѣ слишкомъ общемъ и неопредѣленномъ, выставленъ не рельефно и проведенъ непослѣдовательно. Вѣр-

пый традиціямъ и приѣмамъ своего эклектизма, онъ, такъ сказать, обезцвѣчиваетъ критическую философію. Онъ оставляетъ безъ вниманія или, сказать точнѣе, не сосредоточиваетъ, какъ-бы слѣдовало истинному представителю критической философіи, всего своего вниманія на той чертѣ ея, которая проводитъ вполне рѣзкую и опредѣленную грань между ею, съ одной стороны, и—позитивизмомъ и агностицизмомъ, съ которыми она имѣетъ виѣшнее сходство, съ другой,—на ея серьезномъ нравственномъ характерѣ, на ея, какъ говорятъ, *морализмѣ*. Правда, кое-что въ брошюрахъ Карѣева и по этому вопросу можно найти (да и чего въ нихъ нельзя найти?): „критическая философія, —говоритъ онъ, наприм.,—ни въ коемъ случаѣ не можетъ считаться принципиальною противницею творчества идеаловъ, лишь отличая (?) его отъ изслѣдующаго знанія и не позволяя этому творчеству вторгаться въ ту сферу, которая должна быть предметомъ лишь одного изслѣдованія“ (стр. 58—9). Но въ томъ-то и дѣло, что критическая философія не только не запрещаетъ *творческой* постановки идеаловъ, но — указываетъ и *опредѣленные методы* для перехода *мыслию* за предѣлы явленій: принципъ критической философіи, хорошо и правильно понятый, не ставитъ заранѣе никакихъ барьеровъ для мысли, не ограничиваетъ знаніе узкою областью эмпириіи, какъ то дѣлаютъ эмпиризмъ и агностицизмъ. Проф. Карѣевъ могъ-бы научиться всему этому, если не у Канта, такъ по крайней мѣрѣ у его талантливаго комментатора и популяризатора, нашего достопочтеннаго однофамильца, профессора А-дра Ив. Введенскаго, который достойно держитъ знамя критической философіи въ томъ-же университетѣ, подъ знаменемъ котораго дѣластъ свои экскурсіи въ область философіи и проф. Карѣевъ. Какъ-бы то ни было, однако, не взявъ принципа критической философіи во всемъ его объемѣ и значеніи, оставивъ безъ надлежащаго вниманія основную и самую характерную черту ея, проф. Карѣевъ естественно приходитъ къ сознательному и прямому отождествленію ея, въ отношеніи къ нѣкоторымъ вопросамъ по крайней мѣрѣ, съ агностицизмомъ „для критической философіи,—говоритъ онъ, наприм.,—матерія и духъ суть явленія, а не сущности и можно только предположить, удовлетворяя потребности нашего ума свести

всѣ явленія къ высшему единству (монизмъ въ противоположность дуализму), что матерія и духъ суть лишь различныя формы явленія одной и той-же недоступной познанію нашему (агностицизмъ) сущности“ (*Вестды*, стр. 25). Возражать противъ этого положенія невозможно, — не потому, однако, чтобы оно было истинно и неопровержимо, а потому, что оно крайне неопредѣленно. Въ словахъ, въ формулировкѣ положеній, между критицизмомъ и агностицизмомъ, пожалуй, и можно находить сходство; но этимъ, конечно, еще не рѣшается вопросъ о тождествѣ заключенныхъ въ этихъ словахъ понятій, а тѣмъ болѣе — заложенныхъ въ основѣ обоихъ „міросозерцаній“ принциповъ. Поставьте рядомъ критициста Канта и агностика Спенсера и сравните: сходство есть въ частностяхъ и кое-въ чемъ второстепенномъ, но за то такое громадное различіе и неизмѣримое разстояніе по существу, по основнымъ точкамъ зрѣнія!... Впрочемъ, здѣсь мы опять имѣемъ дѣло съ органическимъ отвращеніемъ автора къ всякимъ „или—или“... Онъ все уравниваетъ и подводитъ, такъ сказать, подъ одну линію. Это дѣло вкуса, а со вкусами, какъ извѣстно, не спорять.

3. Не удержавшись на высотѣ христіанскаго міросозерцанія, мысль проф. Карѣева естественно ниспала на почву критической философіи; не выиспивъ существа и особенностей критической философіи, она столь-же естественно должна была ниспасть еще ступенью ниже. И она дѣйствительно ниспала — на ступень философіи *позитивно-эволюціонной*. Это — послѣдній и самый обширный слой мыслей въ брошюрахъ. Свою вѣру въ истинность позитивно-эволюціонной философіи и ея *обязательность* (!) для своихъ юныхъ читателей авторъ выражаетъ неоднократно и весьма энергично. Вотъ нѣсколько относящихся сюда выдержекъ: „законы эволюціи (общественной) *должны* (!) прежде всего (?) знать и понимать всякій, кто желаетъ дѣйствовать цѣлесообразно“ (*Письма*, стр. 138); „современная біологія, исходя изъ идеи эволюціи, разсматриваетъ человѣка, какъ продуктъ постепеннаго развитія низшихъ формъ *животной* (!) жизни, стремится вывести высшія проявленія духа и общественности человѣка изъ зачатковъ того и другой, наблюдаемыхъ у *другихъ* (!) животныхъ (? стало быть, человѣкъ животное?!) и тѣмъ самымъ стираетъ ту рѣзкую грань (!), которую прежде

полагали между природою и человѣкомъ“ (*Бесѣды*, стр. 9—10); „наша солнечная система и нашъ земной шаръ были созданы дѣйствіемъ механическихъ, физическихъ и химическихъ силъ въ опредѣленномъ порядкѣ міровой эволюціи, органическая жизнь явилась (sic. !) послѣ...; потребовалось весьма длинное развитіе жизни прежде нежели среди живыхъ существъ могли появиться первые проблески духа“ и т. д. (*Бесѣды*, стр. 19); „исходя изъ той идеи, что современное состояніе передовой части человѣческаго рода есть результатъ длинной эволюціи, мы въ настоящее время (!) не можемъ смотрѣть на наши теперешнія (!) нравственныя понятія, какъ на нѣчто исконное (!) и должны наоборотъ искать ихъ объясненія въ болѣе элементарныхъ, такъ сказать зародышевыхъ (эмбриональных) явленіяхъ *полуживотной и даже прямо животной (!)* жизни нашихъ отдаленныхъ предковъ“ (*Бесѣды*, стр. 78) и т. д. и т. д. Однако, довольно,—довольно выписокъ въ доказательство вѣры автора въ истинность позитивно-эволюціонной философіи. Признаемся, мы давно не встрѣчали въ русской литературѣ такой открытой, настойчивой и... развязной, рисующей проповѣди этой лже-философіи, какъ въ книжкахъ проф. Карѣва. Говорить-ли, послѣ всѣхъ этихъ выписокъ, что ни глубокому и чистому христіанскому міросозерцанію, ни серьезному морализму Канта не можетъ оказаться въ его брошюрахъ никакого законнаго мѣста (можно-ли въ самомъ дѣлѣ говорить, съ эволюціонной точки зрѣнія, хотя-бы, наприм., о категорическомъ императивѣ Канта?) и, если Карѣвъ тѣмъ не менѣе сбивается на эту почву, если онъ употребляетъ „привычныя“ ему съ дѣтства священныя формулы, то это происходитъ единственно отъ его непослѣдовательности и крайней спутанности всѣхъ его основныхъ понятій и точекъ зрѣнія. Здѣсь опять и при томъ въ наиболѣе рѣзкой формѣ выступаетъ столь знакомое уже намъ нерасположеніе автора къ выбору между всякими „или—или“....

Мы вскрыли лишь основные пласты или наслоенія въ чрезвычайно неоднородной, какъ видимъ, почвѣ мыслей автора. Мы могли-бы указать еще нѣсколько мелкихъ несообразностей и болѣе или менѣе явныхъ противорѣчій. Но не будемъ придирчивы: быть можетъ, эти несообразно-

сти должны быть отнесены на счетъ неясности *изложенія* (хотя и это, конечно, уже недостатокъ въ книжкахъ съ такимъ назначеніемъ, какъ книжки автора), а *не мысли*. Ограничимся лишь построеніемъ изъ буквальныхъ словъ автора маленькаго сорита, который, надѣмся, будетъ краснорѣчиво говорить о свойствахъ его „логики“ и прибавить еще одинъ штрихъ къ сдѣланной уже нами характеристикѣ его логическихъ приемовъ. Вотъ эготъ сорить:

1. „Такія или другія рѣшенія нравственныхъ вопросовъ опираются на извѣстныя представленія о природѣ человѣка и его назначеніи въ мірѣ“ (Письма, стр. 51—2), такъ что „безъ метафизики не можетъ обойтись ни одно выработанное міросозерцаніе“ (стр. 55) или, говоря технически, *этика невозможна безъ метафизики*.

2. „Критическая философія совершенно устраняетъ метафизику какъ матеріалистическую, такъ и спиритуалистическую, не исключая метафизики дуалистической“ (Бесѣды, стр. 25).

3. „Считая лично критическую философію наиболее соответствующею самой задачѣ философіи, ...рекомендовалъ-бы всякому ознакомиться съ ея положеніями“ для того, чтобы усвоить и послѣдовательно провести чрезъ все міросозерцаніе (Письма, стр. 58).

4. Ergo?...

Заключенія изъ этого сорита могутъ вытекать разныя: ergo, *или* авторъ, а равно и его послѣдователи, которымъ онъ такъ настойчиво рекомендуетъ критическую философію, должны остаться безъ всякой этики; *или* авторъ невѣрно говоритъ и думаетъ, будто его точка зрѣнія есть точка зрѣнія критической философіи; или онъ вообще не вѣдаетъ что творитъ и не сознаетъ, что говорить... Какое заключеніе онъ изберетъ,—мы не знаемъ. Отъ этики во всякомъ случаѣ онъ не отказывается, хотя, конечно, строить се не на принципахъ критической философіи. А на какихъ—это мы сейчасъ увидимъ.

II.

«Если ужъ что-либо писать съ большою буквы, то только я»...

Барсьевъ.

Слова, только-что взятая нами для эниграфа, имѣютъ продолженіе, какъ мы отмѣтили это многоточіемъ, и при

томъ—продолженіе, вносящее очень важное ограниченіе въ мысль автора, а именно: „разумѣтся не моего конченнаго я и не для обозначенія какого-бы то ни было другаго индивидуальнаго я, а въ смыслѣ *того общаго и для обозначенія того высшаго, что есть и должно быть* (?) въ духовной природѣ человѣка“ (*Мысли объ основахъ нравственности*, стр. 83). Но мы полагаемъ, что, послѣ сдѣланныхъ нами въ предыдущей главѣ поясненій, мы были по крайней мѣрѣ не совсѣмъ неправы, отбросивъ въ эпиграфѣ это послѣднее ограниченіе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь если человѣкъ всецѣло есть продуктъ эволюціи; если, какъ говоритъ самъ авторъ на своемъ варварскомъ языкѣ, „современная этика не можетъ быть неэволюціонной“ (! Бесѣды, стр. 81), то въ какомъ смыслѣ и по какому праву ея послѣдователь станетъ говорить и во имя чего станетъ уважать въ человѣкѣ „то высшее, что есть и должно быть (?) въ его духовной природѣ“? Мы понимаемъ, когда обо всемъ этомъ намъ говорить и всего этого отъ насъ требуетъ мыслитель, чтущій въ человѣкѣ проявленіе высшаго Начала,—Образъ Божій. Но когда этого отъ насъ требуютъ эволюціонистъ, признающій человѣка и его духовную природу лишь высшею ступенью и болѣе сложнымъ проявленіемъ „психики“ животнаго, то мы недоумѣваемъ и спрашиваемъ: по какому праву и во имя чего я стану уважать *развитое животное*? Ясно, что только-что выписанное нами продолженіе эпиграфа въ устахъ проф. Карѣева не имѣетъ никакого смысла. Да, Вы правы, г. эволюционистъ: „если ужъ что и писать съ большой буквы“, принявъ Вашу философію, „то только я“,—со всѣмъ тѣмъ, что накопила въ немъ Ваша всемогущая эволюція, со всѣми его страстями и пороками, я эгоистическое, страстное, полуживотное... Когда Божество сведено съ своего небеснаго трона, на его мѣсто долженъ быть поставленъ кумиръ. И какой же кумиръ наиболѣе пригоденъ въ наше время, какъ не я,—съ его болѣзненно развитымъ современною цивилизаціею самолюбіемъ?

Мы только-что сказали, что проф. Карѣевъ, съ своей точки зрѣнія, не имѣетъ права говорить о чемъ-либо безусловномъ въ человѣкѣ. Однако-же онъ говорить, говорить нерѣдко; но, конечно, рѣчь его объ этихъ предметахъ зву-

читать странно, производитъ впечатлѣніе чего-то въ высшей степени неопредѣленнаго, шаткаго и избочиваетъ автора въ непослѣдовательности и самопротиворѣчіи. Для иллюстраціи этого положенія, а вмѣстѣ и для ознакомленія читателя съ его своеобразнымъ стилемъ, мы позволимъ себѣ здѣсь привести небольшой отрывокъ.

„Точка зрѣнія эволюція,—говоритъ авторъ,—есть ученіе объ *относительности* всего существующаго и объ *относительности* нашихъ знаній. Среди этого измѣненія, этого движенія, этой относительности, остаются въ сознаніи нашемъ *неизблѣмыми, неизмѣнными и безусловными* (?) лишь идеалы истины и справедливости, къ коимъ мы стремимся, но знаемъ коихъ не обладаемъ, лишь вѣры въ то, что есть истина и есть справедливость, и что открытіе ихъ началось съ первыми шагами исторіи и совершилось въ исторической эволюціи міросозерцаній. И наше міросозерцаніе есть продуктъ исторической эволюціи и отличается относительностью знанія: но если оно соотвѣтствуетъ нашему (?) пониманію истины и справедливости оно получаетъ для насъ силу подлиннаго знанія, удовлетворяющаго нашъ умъ, и вѣры, удовлетворяющей нашу совѣсть. Мы *обязаны вѣрить* въ истинность и справедливость нашего міросозерцанія (а какое же міросозерцаніе можетъ быть безъ вѣры въ него?), но мы *должны знать*, что вѣѣ насъ самихъ оно имѣетъ лишь относительное значеніе, въ силу чего никто не даетъ намъ права ни навязывать его кому-бы то ни было, ни насилловать жизнь во имя его догматовъ. Прибавлю, однако, что и при отсутствіи фанатизма можно быть стойкимъ и твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ и стремиться къ торжеству этихъ убѣжденій въ жизни путемъ свободнаго распространенія ихъ вокругъ себя и путемъ дѣятельности, ведущей къ ихъ осуществленію. Такое отношеніе къ собственному міросозерцанію, чуждое духа нетерпимости, фанатизма, деспотизма и тиранніи (!!) одно только и соотвѣтствуетъ тому уваженію къ чужому достоинству и чужимъ правамъ и интересамъ, которое должно лежать въ основѣ моральнаго поведенія,—соотвѣтствуетъ идеямъ *свободы мысли, свободы совѣсти и свободы жизни*, по отношенію къ коимъ былъ враждебенъ всякій абсолютизмъ и догматизмъ, мистическій и рационалистическій, во имя ли сохраненія старины или во имя движенія впередъ“... ¹⁾

Не угодно-ли Вамъ, читатель, разобраться во всемъ этомъ хаосѣ! Что касается насъ, то мы, съ своей стороны, находимъ положительно невозможнымъ согласовать и привести въ гармонію все, что здѣсь такъ безпорядочно нагромождено. При эволюціи все *относительно* и, однако, есть *неизмѣнное и безусловное!* Тутъ что-нибудь одно: *или* эволюція не есть, по крайней мѣрѣ, единственный объяснительный и всѣмъ управляющій принципъ, *или* нѣтъ безусловнаго. Далѣе если міросозерцаніе „соотвѣтствуетъ

¹⁾ Письма, стр. 136—7.

нашему (?) пониманію истины“, оно „получаетъ для насъ (?) силу подлиннаго *знанія*“ и „мы *обязаны* (?) вѣрить въ его истинность, но *должны знать* (?), что вѣѣ насъ самихъ оно имѣетъ лишь *относительное* значеніе“... Какъ это, — спрашивается, — одно и тоже, съ одной стороны, истинно и справедливо, а съ другой, относительно т. е. спорно и сомнительно?! Мы не понимаемъ такой логики. Громкія слова и фразы профессора Карѣева, нагроможденные въ этомъ маленькомъ, но поистиннѣ классическомъ, отрывкѣ можно тасовать какъ угодно: результатъ во всякомъ случаѣ, при всякой ихъ группировкѣ, выйдетъ одинъ или, сказать точнѣе, результата не получится, ни въ какомъ случаѣ, ни при какой ихъ группировкѣ, никакого: они всегда будутъ распадаться отъ внутренняго противорѣчія и несогласованности.

Есть, впрочемъ, въ приведенномъ отрывкѣ и одно указаніе положительнаго характера. Мы ясно видимъ изъ него, куда, не смотря на всѣ свои колебанія, тяготеетъ мысль автора, что скрыто управляетъ ею, — составляетъ ея, какъ говорятъ, тенденцію. Это — защита „*свободы мысли и жизни*“ отъ „деспотизма, тираниі, абсолютизма, догматизма“¹⁾ и др. призраковъ, которые вѣчно пугаютъ и преслѣдуютъ всякихъ поборниковъ свободы на почвѣ позитивизма и эволюціонизма, обыкновенно создающихъ себѣ всякіе мнимые ужасы и страхи. Замѣчательно при этомъ и достойно всякаго вниманія то противорѣчіе, въ которомъ оказываются эти борцы за свободу мысли и жизни: отстаивая *внѣшнюю* свободу, они не признаютъ свободы *внутренней*, — свободы воли, самоопредѣленія. Тотъ самый проф. Карѣевъ, который въ только-что приведенныхъ словахъ столь энергично встаетъ на защиту свободы, въ другомъ мѣстѣ открыто

1) Любопытенъ самый *способъ* этой защиты: истина защищается путемъ возведенія въ принципъ *равнодушія* къ ней! Это опять характерная черта нашего времени. „Въ наше время, когда умы колеблются и вѣра въ существованіе истины почти исчезла, *принципный тонъ* сослостъ въ спокойномъ скептицизмѣ, въ равнодушномъ любопытствѣ, въ терпимости ко всякимъ рѣчамъ и мнѣніямъ, — на томъ основаніи, что *видѣ никто-же не смѣетъ и не можетъ ручаться за вѣрность своего мнѣнія*“... Въ этихъ незыблительныхъ словахъ *Н. Н. Страхова* (*О вѣщяхъ истинныхъ*, Сиб. 1887, стр. 49) очень мѣтко схвачена особенность современнаго отношенія къ истинѣ, — ее особенность, насквозь пропикающая между прочимъ и брошюры проф. Карѣева.

объявляетъ себя детерминистомъ: „теперь есть философы, — говоритъ онъ, — которые утверждаютъ, что именно только детерминизмъ и соответствуетъ истинному этическому учению; мы *правятся* (sic! замѣтите—курсивъ автора!) ихъ соображенія, но, *будучи самъ детерминистомъ* (курсивъ нашъ), боюсь быть пристрастнымъ и высказаться противъ свободы воли“ (*Мысли*, стр. 104)... Что авторъ „боится“ высказываться противъ сторонниковъ свободы воли, не принадлежа къ ихъ лагерю и не раздѣляя ихъ взглядовъ, — это, конечно, не можетъ уже удивлять насъ послѣ того, какъ мы узнали, что онъ вообще не любитъ выбора между „или—или“. Но это не измѣняетъ сути дѣла. Вѣдь онъ самъ признаетъ себя детерминистомъ! И вотъ этотъ-то *детерминистъ* встаетъ на защиту *свободы!* Какъ это понять? Нужны, безъ сомнѣнія, очень большія усилія, чтобы согласовать эти два тезиса и только широкая и уживчивая логика проф. Карѣева можетъ ихъ объединять...

Не трудно, въ виду всего сказаннаго нами, и заранѣе угадать, въ какомъ направленіи проф. Карѣевъ проходитъ, направляясь къ обоснованію нравственности.

Прежде всего, вопреки прямому заявленію своему (приведенному нами выше и взятому изъ „Писемъ“, — первой по времени написанія книжки автора), по которому этика должна основываться на метафизикѣ, въ послѣдней книжкѣ, специально посвященной вопросу о нравственности (*Мысли*), онъ столь-же открыто и категорично отрицаетъ необходимость такого обоснованія. Разсуждая здѣсь о долженствованіи, онъ заявляетъ, что это—вопросъ трудный и сложный и что „запутали его сами философы, такъ какъ большинство изъ нихъ стремились дать долженствованію метафизическое обоснованіе, когда (тогда какъ?) все дѣло въ психологіи и логикѣ, которыхъ совершенно достаточно для объясненія происхожденія чувства долга“ (*Мысли*, 82). Можетъ быть! Но почему тогда, — замѣтимъ мимоходомъ, — не сдѣлать, для устраненія только-что указаннаго нами противорѣчія, по крайней мѣрѣ хоть въ позднѣйшихъ изданіяхъ первыхъ книжекъ, соответствующихъ поправокъ? Зачѣмъ ставить читателя въ недоумѣніе и заставлять его лишній разъ подозрѣвать автора въ противорѣчій? Это, впрочемъ, какъ мы сказали, лишь мимоходомъ...

Какъ-же, — спрашивается теперь, — психологія и логика обосновываютъ нравственность и прежде всего идею долга? Вотъ слова автора: „Нравственное чувство прирождено людямъ (прирождено, по автору, значитъ *унаслѣдовано отъ предковъ*, у которыхъ оно выработано медленнымъ путемъ эволюціи), какъ и логическія способности, а у кого есть нравственное чувство, у того есть и этическія аксіомы т. е. представленія о чемъ-то должномъ, имѣющія внутреннюю очевидность т. е. одобряющія (?) нравственнымъ чувствомъ. Эти аксіомы я сравниваю не съ формальными принципами логики, а съ аксіомами математики, имѣющими определенное содержаніе. Прямая линия есть кратчайшее разстояніе между двумя точками, — это аксіома. Не дѣлай другимъ того, чего не хочешь, чтобы другіе тебѣ дѣлали, это — аксіома. Вложены-ли они (онѣ?) въ человѣческій духъ? Нѣтъ, онѣ *не прирождены ему* (?), но это не мѣшаетъ имъ быть истинными..... Было-бы не этично и не логично говорить: какъ человѣческая личность, я имѣю извѣстныя права, которыя другими человѣческими (?) личностями должны уважаться, но самъ я могу не признавать правъ за другими личностями и могу не уважать ихъ, даже если-бы теоретически и признавалъ: признавая свои права, нелогично отрицать чужія; требуя уваженія къ своимъ правамъ, неэтично не уважать чужихъ“ (*Мысли*, стр. 91—2). Эти слова проф. Карѣева (если не принимать во вниманіе нѣкоторой темноты получающейся отъ сопоставленія положеній: „нравственное чувство *прирождено*“ и: „нравственные аксіомы *не* прирождены“) содержатъ, по нашему мнѣнію, определенный отвѣтъ на поставленный вопросъ и при томъ, — изложенный съ необычною для нашего автора ясностью. Но, очевидно, они еще не рѣшаютъ дѣла.

Долгъ требуетъ, чтобы я относился къ другимъ такъ, какъ къ себѣ. Если такъ, то необходимо, конечно, сначала узнать, какъ я долженъ относиться *къ себѣ*. Себѣ я желаю сохраненія жизни и счастья въ смыслѣ „наибольшаго по возможности удовлетворенія всѣхъ нормальныхъ потребностей“ (стр. 119), — желаю и *долженъ* (!) желать: „человѣческая жизнь имѣетъ абсолютную цѣнность и эту цѣнность придаетъ ей мое *категорически-императивное желаніе существовать*, которое возводится моимъ разумомъ

и моимъ нравственнымъ чувствомъ въ великую заповѣдь: не убій“ (стр. 114). Еще одна выписка въ поясненіе этихъ словъ: „Чувственные удовольствія и наслажденія духа (къ числу коихъ относится исполненіе того, что считаешь своимъ долгомъ или—дѣятельностію по убѣжденію) суть для человѣка, такъ сказать, повелѣнія его физической и психической природы т. е. матеріальной и духовной сторонъ его бытія, при чемъ его природа, заставляя его стремиться къ тому или другому, не мотивируетъ, почему онъ долженъ стремиться къ тому, что хорошо. Кантъ назвалъ долгъ „категорическимъ императивомъ“ т. е. безусловнымъ повелѣніемъ и чувство долга имѣетъ именно такой характеръ. Но *въ сущности и стремленіе къ удовольствію есть императивъ категорическій* (?!), только безъ этического наслажденія. Безусловно можетъ повелѣваться лишь то, что само въ себѣ заключаетъ цѣль, а это можетъ быть лишь тогда, когда то, что повелѣвается, не есть средство для достиженія другой цѣли: такую цѣлю можетъ быть лишь нѣчто само по себѣ хорошее, а такимъ самымъ по себѣ хорошимъ можетъ быть или то, что непосредственно удовлетворяетъ *категорическіе императивы* (!!) *нашей физической природы* (нашего тѣла), или то, что непосредственно удовлетворяетъ категорическіе императивы нашей психической природы (нашего духа). Все остальное хорошо лишь, какъ условія или средства для достиженія такихъ цѣлей“ (стр. 73—4)... Намъ кажется, что и это совершенно ясно и недвусмысленно: долгъ коренится въ категорическихъ императивахъ духа и *тѣла* (!) или, какъ выражается авторъ, „нравственный долгъ есть обязанность, налагаемая личностію на самое себя“ (стр. 121).

Однако, мало-ли чего можетъ категорически требовать нашъ духъ и особенно наше тѣло! Мало-ли что личность можетъ налагать сама на себя! Не всѣ-же требованія духа и тѣла можно исполнять, хотя они и выступаютъ съ характеромъ категоричности! Да, конечно,—такова и мысль автора. Но какъ-же дѣлать разборъ между требованіями и требованіями?—Здѣсь мы подходимъ къ центральному пункту „міросозерцанія“ автора. Этотъ выборъ между требованіями и требованіями или, точнѣе сказать въ духѣ его системы, этотъ *отборъ* дѣлаетъ каждый изъ насъ *по своему*, — со-

образно съ уровнемъ своего развитія (точнѣе опять таки слѣдовало-бы сказать: своей эволюціи). Вотъ слова автора. „Въ строгомъ смыслѣ законъ существуетъ лишь для юриспруденціи. О законахъ природы говорится лишь въ переносномъ смыслѣ: тутъ нѣтъ никакого приказыванія. Такое-же переносное значеніе имѣетъ и выраженіе: „нравственный законъ““ (стр. 86). „Если не нравятся выраженія: долгъ, обязанность, нравственный законъ и т. п., можно поставить на ихъ мѣсто „убѣжденіе““. Я противъ этого ничего не имѣю... Я только и имѣю въ виду *этику убѣжденія*. Пусть она называется раціональной этикой, интуитивизмомъ, деонтологизмомъ, конвикціонизмомъ,—дѣло отъ этого не измѣнится: *развитіе есть единственный фактъ, вызывающій естественное сознание высшаго и низшаго состоянія, единственный, къ которому психологически правильно приложимъ терминъ обязательности (?)*. Степенью развитія, достигнутой личностью, опредѣляется и возможный для нея *идеалъ*, который вообще становится нравственнымъ побужденіемъ личности къ дѣятельности“... (стр. 95—6). Намъ кажется, что и эти слова совершенно ясны и недвусмысленны.

Итакъ, долгъ къ другимъ опредѣляется долгомъ къ себѣ; долгъ къ себѣ опредѣляется требованіями нашей природы; какія требованія хороши и какія дурны—это опредѣляется эволюціею или уровнемъ нашего развитія. Ясно, куда мы пришли: относительность нравственности, во-первыхъ (строго говоря, *закона* нравственности нѣтъ, а есть условныя, измѣнчивыя и относительныя *убѣжденія*); индивидуализмъ, во-вторыхъ,—индивидуализмъ, который „беретъ личность какъ существо состоящее изъ тѣла и души“ и, поэтому, не отрицаетъ „жизни плотью и радостей земной жизни“, который признаетъ, что „всѣ необходимыя потребности личности должны быть удовлетворены“ (стр. 120, *passim*) и на этомъ базисѣ психологически и логически хочетъ утвердить долгъ и нравственность. Мы получаемъ, такимъ образомъ, изъ всѣхъ этихъ посылокъ удивительный тезисъ, который самъ авторъ формулируетъ такъ: „индивидуализмъ, исходя изъ идеи личнаго развитія, *даетъ право человеку быть эгоистомъ*“ (121). При всей утонченности толкованія, которое даетъ авторъ введеннымъ въ эту формулу тер-

минамъ; при всѣхъ оговоркахъ и ограниченіяхъ, которыми онъ ее обставляетъ („подъ условіемъ соблюденія правъ, вытекающихъ изъ эгоизма другихъ (!), при ограниченіи эгоизма альтруизмомъ, социальнымъ инстинктомъ и чувствомъ долга, коренящимся въ самой личности“ и т. д.), — при всемъ этомъ, нельзя, конечно, не признать, что сейчасъ приведенная формула звучитъ грубо и слишкомъ ослабляетъ, если только не парализуетъ вполнѣ, голосъ долга и нравственнаго закона. Коварный и изворотливый духъ вѣка не замедлитъ конечно вложить въ эту растяжимую формулу самый широкій смыслъ, освобождающій отъ всѣхъ ограниченій совѣсти. Да, если ужъ что и писать съ большой буквы, когда возведенъ въ принципъ эгоизмъ, то только *Я...*

III.

«Конечно, въ такомъ дѣлѣ, какъ самообразованіе, должна господствовать полная (?) свобода, ибо какъ показываетъ самое его названіе, оно прежде всего требуетъ самостоятельности и самодѣятельности; но, какъ-бы вообще ни была хороша свобода сама по себѣ, она не можетъ осуществить своихъ задачъ безъ высшаго руководства со стороны знанія (!) о томъ, что истинно и что цѣлесообразно». Поэтому «должно стремиться къ цѣльности, полнотѣ и стройности міросозерцанія».

«Молодежи должны самостоятельно (?) ставить цѣли тому самообразованію, которое она считаетъ для себя необходимымъ». Но «она не въ состояннн (!) собственными силами и средствами съ совершенною ясностію мысли и широтою взгляда опредѣлить конечную цѣль самообразованія». Поэтому, «задача, которую я себѣ ставлю, состоитъ именно въ томъ, чтобы помочь молодежи... разобратъся въ вопросахъ о цѣли, сущности и средствахъ самообразованія»¹⁾.

Н. Карневъ.

Не смотря на обычную у профессора Карѣева шаткость въ формулировкѣ мыслей, нельзя не признать, что въ

¹⁾ *Цисьма*, стр. 10, 12, 22, 50, *passim*.

только-что приведенныхъ тезисахъ онъ ясно поставилъ какъ общую задачу самообразованія, такъ и задачу своихъ посвященныхъ этому вопросу брошюръ. Нельзя такъ-же не отмѣтить, что вообще въ его брошюрахъ встрѣчаются страницы сильныя, яркія, глубокія и основательныя. Сюда должны быть отнесены, наприм., его восторженныя рѣчи о юношескомъ идеализмѣ, какъ источникъ всѣхъ возвышенныхъ стремленій юношей; его предостереженія противъ увлеченія материализмомъ (хотя и не самостоятельныя—по Паульсену), указаніе серьезности и трудностей изученія социологіи, постоянное напоминаніе, что каждый вопросъ слѣдуетъ обсуждать со всѣхъ сторонъ, взвѣшивая всѣ его *pro* и *contra* и т. д. Къ сожалѣнію, все это частности. Если-же мы возьмемъ брошюры въ цѣломъ и станемъ измѣрять ихъ тою мѣркою, какую указываетъ самъ авторъ, то будемъ въ высокой степени разочарованы и даже, такъ сказать, раздосадованы, — раздосадованы, какъ говорятъ, „обманомъ ожиданій“. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ указываетъ, какъ на верховную цѣль самообразованія, на выработку *цѣльнаго, полнаго и стройнаго* міросозерцанія. Но тотъ кругъ идей, въ который вводятъ его брошюры, и даже самый снособъ, какимъ эти идеи раскрываются, далеко не отвѣчаютъ этому идеалу.

Пересмотримъ отдѣльныя черты этого идеала.

Первый признакъ—*цѣльность міросозерцанія*. „Идеальное міросозерцаніе, — говоритъ авторъ — можно сравнить съ художественнымъ произведеніемъ архитектуры, совершенно въ самомъ себѣ законченнымъ, вполне соответствующимъ своему назначенію и гармонически связаннымъ въ своихъ частяхъ. Въ мірѣ мысли все должно быть столь-же гармонически между собою связано, одно отъ другаго зависѣть, одно на другое опираться“ (Письма, 51). Да, конечно: таковъ логическій идеаль? Но спрашивается: то многопринципное въ цѣломъ, не свободное отъ противорѣчій въ деталяхъ, „міросозерцаніе“ автора, которое мы характеризовали выше, — можетъ-ли оно хоть въ какой-нибудь мѣрѣ удовлетворять этому идеалу?

Второй признакъ—*полнота міросозерцанія*: міросозерцаніе „должно охватывать *все мыслимое и существующее*. взятое въ цѣломъ“ (Письма, стр. 57). Удовлетворяетъ-ли

собственное міросозерцаніе автора этому второму критерию? „Самую главную проблему міросозерцанія, — говоритъ авторъ, — представляетъ собою человѣкъ и міръ человѣческихъ отношеній, личность и общество“ (60). Нѣтъ-ли однако, для человѣка, стремящагося къ выработкѣ *полнаго* міросозерцанія другихъ проблемъ, по крайней мѣрѣ, не менѣе важныхъ? Развѣ вопросъ о Первопричинѣ міра и всѣ связаные съ нимъ вопросы не должны законно, въ чисто логическомъ смыслѣ этого термина, входить въ кругъ вопросовъ, подлежащихъ его обсужденію? Зачѣмъ авторъ въ отношеніи къ только-что указанному кругу вопросовъ такъ грубо нарушаетъ обыкновенно столь настойчиво рекомендуемое самимъ имъ правило: *audiatur et altera pars*?! Стыдно, г. профессоръ! Пора, наконецъ, сознать, что замалчивать эти вопросы *ненаучно*. Паульсенъ, котораго Вы компилируете такъ часто, послѣдовательнѣе и искреннѣе Васъ въ отношеніи къ данному вопросу. Научитесь, по крайней мѣрѣ отъ самой молодежи, которую Вы такъ авторитетно поучаете, что кромѣ Вашихъ брошюръ есть еще... Евангеліе¹⁾.

Третій признакъ— *стройность міросозерцанія*: „говоря о необходимости стремиться къ полному міросозерцанію, я не могу не сказать, что, — въ интересахъ именно этой полноты особенно, — нужно стараться развить въ себѣ *ясность* мысли и широту взгляда“ (62). О, конечно: при неясности и спутанности мыслей, что за міросозерцаніе?! Но, къ сожалѣнію, брошюры проф. Карѣева не удовлетворяютъ и этому требованію. Онѣ написаны запутаннымъ, туманнымъ, тяжелымъ и витіеватымъ стилемъ. При шаткости неопредѣленности и противорѣчивости мыслей, въ нихъ изложенныхъ, онѣ страдаютъ иногда и чисто грамматическими неправильностями, изобличающими спѣшность и беспечность автора въ отношеніи къ ихъ формально-литературной обработкѣ. Мы могли-бы иллюстрировать это свое замѣчаніе рядомъ соответствующихъ выписокъ, если-бы придавали этой страницѣ дѣла большое самостоятельное значеніе и если-бы,

1) Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, что „одинъ изъ учащейся молодежи“ энергично отвергнувъ путь къ самообразованію черезъ брошюры проф. Карѣева, заключаетъ свой „отвѣтъ“ ему такимъ призывомъ къ товарищамъ: „поставимъ себѣ идеаломъ добро, истину и справедливость и *смѣло* пойдемъ по пути, указанному... Христомъ“ („отвѣтъ“ Трика, Спб. 1895).

при томъ, и безъ насъ этотъ недостатокъ не былъ уже отмѣченъ рецензентами брошюръ проф. Карѣева. Для насъ этотъ послѣдній недостатокъ, — недостатокъ формально-литературный, — важенъ главнымъ образомъ потому, что неясность и туманность изложенія мы считаемъ признакомъ неясности и темноты самого мышленія, самыхъ взглядовъ автора, самаго его міросозерцанія. Быть можетъ, авторъ захочетъ настаивать на томъ, что неясность изложенія произошла у него не отъ неясности мыслей, а отъ спѣшности составленія книжекъ (вѣдь недаромъ-же онъ въ концѣ книжекъ помѣчаетъ, что одна составлена *въ недѣлю* другая *дней въ десять* и только третья—*въ двадцать*, что для книжекъ *въ десять печатныхъ листовъ*, хотя и малаго формата, конечно, слишкомъ уже скоро!) или отъ того, что ему приходилось кратко говорить о множествѣ предметовъ входящихъ въ составъ „полнаго міросозерцанія“. Но въ такомъ случаѣ на первое его оправданіе мы отвѣтили-бы: пусть авторъ писалъ-бы свои брошюры медленнѣе, но излагалъ-бы ихъ яснѣе и отдѣлывалъ лучше. Въ отвѣтъ же на второе извиненіе, мы напомнили-бы ему извѣстныя слова Канта:... „аббатъ Террасонъ говоритъ: если объемъ книги измѣрять не числомъ листовъ, а временемъ необходимымъ для ея уразумѣнія, то о множествѣ книгъ можно было-бы сказать, что онѣ могли-бы быть еще короче, если-бы не были такъ коротки. Но если, съ другой стороны, обратить вниманіе на то, въ какой мѣрѣ понятны растянутыя теоретическія изслѣдованія, то можно съ такимъ-же правомъ сказать: *многія книги были-бы еще понятнѣе, если-бы онѣ не предназначались быть слишкомъ понятными*. Въ частяхъ можно иногда чувствовать недостатокъ объясненія, но *въ цѣломъ онѣ болышею частію разъясняютъ читателя*. При нихъ читатель недостаточно скоро дѣлаетъ обзоръ цѣлаго: *яркіе цвѣта ихъ закрываютъ и дѣлаютъ непримѣтнымъ скелетъ* или членостроеніе системы, что важно при сужденіи объ ея единствѣ и достоинствѣ“. У проф. Карѣева именно цвѣта закрываютъ скелетъ..

Намъ кажется, что, въ виду только-что указанныхъ свойствъ брошюръ проф. Карѣева, очень трудно признать изложенное въ нихъ „міросозерцаніе“ отвѣчающимъ уже чисто логическому идеалу, указанному при томъ самимъ

авторомъ. Припомнить, что и по существу міросозерцаніе проф. Карѣева, съ *позитивно-эволюціонною* точкою зрѣнія его теоретической философіи и „*индивидуалистической*“ — практической, не можетъ быть признано состоятельнымъ и удовлетворяющимъ основнымъ запросамъ нашего духа. Можно-ли, послѣ всего этого, сказать, что проф. Карѣевъ хоть сколько-нибудь удовлетворительно разрѣшилъ поставленную имъ себѣ задачу — помочь молодежи разобратъся въ вопросахъ о цѣли, сущности и средствахъ самообразованія? По нашему, по крайней мѣрѣ, убѣжденію на этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ....

Съ тяжелымъ и тоскливымъ чувствомъ заканчиваемъ мы свой критическій анализъ брошюръ проф. Карѣева. Авторъ постоянно твердитъ о своей любви къ молодежи и подчеркиваетъ свою заботливость о благѣ „родной страны“. Но, видно, онъ мало любитъ юношей, если ведетъ ихъ въ область позитивнаго эволюціонизма и индивидуализма и, очевидно, слишкомъ равнодушенъ ко благу отечества, если игнорируетъ тѣ глубочайшія религіозно-нравственныя основы, на которыхъ держится вѣками сложившееся „міросозерцаніе“ его наиболѣе вѣрныхъ сыновъ... Прибавимъ къ этому, что даже и науку онъ, повидимому, мало любитъ, мало цѣнитъ и уважаетъ, — ту науку, во имя которой, въ качествѣ профессора, выступаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь *истинный* представитель науки не отчеркиваетъ такъ равнодушно капиталыѣйшихъ вопросовъ, какъ дѣлаетъ авторъ, и не можетъ быть такъ безпеченъ относительно соблюденія хотя-бы лишь самыхъ элементарныхъ, формально-логическихъ требованій истины!

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи брошюры проф. Карѣева представляютъ неотразимое доказательство того „упадка мысли“, на который теперь справедливо жалуются многіе, — той логической *путаницы*, когда „человѣкъ, — по выраженію покойнаго Н. Н. Страхова, — не отдаетъ себѣ отчета въ томъ что говоритъ и думаетъ, когда онъ свободно носится по всякимъ вѣтрамъ и въ головѣ его собирается самый пестрый и разнообразный соръ“ ¹⁾). Было-бы признакомъ

¹⁾ *О вѣчныхъ истинахъ*, Спб. 1887, стр. 57.

крайней ограниченности нашего кругозора, если-бы мы продолжали упорно не замѣчать, что именно съ этой стороны нашему просвѣщенію грозятъ великія и серьезныя опасности: за распатанностію мысли неизбежно послѣдуетъ снова шатаніе жизни, какъ это и было въ злополучные шестидесятые—семидесятые годы. Будемъ-же, наконецъ, строже къ себѣ и своимъ словамъ, — *„перестанемъ пускать свою мысль по ветру и безбожно марать бумагу, въ предположеніи, что это кому-то полезно, и въ надеждѣ, что кто-то другой поправитъ дѣло, а намъ нужно только заварить кашу и произвети сумятицу въ головахъ простодушныхъ читателей“*¹⁾!

Эти слова незабвеннаго борца за права *логики* слѣдовало-бы вырѣзать у себя на самомъ видномъ мѣстѣ всѣмъ тѣмъ, кто пишетъ или задумываетъ писать брошюры, подобныя „Письмамъ“, „Бесѣдамъ“ и „Мыслямъ“ проф. Карѣева...

Алексѣй Введенскій.

¹⁾ *ibid.*, стр. 38.